

Отклики

І. ПРОФ. СТЕПУНЪ О МЛАДОРОССАХЪ

На наши изданія, «Оповѣщенія» и Сборникъ, откликнулись почти всѣ эмигрантскія теченія. Дореволюціонныя политическія группировки, не только «лѣвыя», но и такъ наз. «правыя», отнеслись къ молодому пореволюціонному младоросскому теченію съ особенной суровостью, и даже, за немногими исключеніями, съ открытой враждебностью. Безпристрастной и даже мало-мальски добросовѣстной критики мы от нихъ почти не слышали. Въ представленіи однихъ — мы просто «нахальные мальчишки», для другихъ — чуть ли не «большевики», для третьихъ — «крайне правые зубры» и т. д.

Ввиду этого намъ особенно пріятна всякая критика, не оста-навливающаяся на трафаретахъ, а старающаяся болѣе вдумчиво и внимательно разобраться въ томъ, что изъ себя представляютъ младороссы. Такое болѣе вдумчивое отношеніе отчасти проявилъ проф. Степунъ, давшій въ «Современныхъ Запискахъ» (книга 37-ая, Парижъ, 1928 г.) отзывъ о нашемъ Сборникѣ.

Проф. Степунъ, насколько мнѣ извѣстно, не принадлежитъ къ какой-либо политической партіи. Онъ видимо не связанъ обязательствами, которыя заставляли бы его безотносительно ругать все, что не укладывается въ узкія рамки удушающей свободу сужденія партійности.

Но въ то же время, она еще видимо находится подъ сильнымъ вліяніемъ опредѣленныхъ «интеллигентскихъ» теченій. Ему поэтому какъ будто чужды основныя традиціи нашей исторіи, завѣщанныя намъ вѣками накопленнымъ духовно-культурнымъ и государственнымъ опытомъ Россіи. Вѣрность этимъ положительнымъ традиціямъ, являющимся какъ бы сокровищницей богатствъ

Русскаго духа, лежить въ основаніи всей нашей идеологіи. Мы не хотимъ отказываться отъ тѣхъ непреходящихъ цѣнностей, которыя вдохновляли всю нашу великую исторію, и потому никакой специфической своей, новой идеологіи мы не создаемъ.

Только непониманіемъ этихъ основъ, или же неприятіемъ ихъ, можетъ быть объяснено категорическое заявленіе проф. Степуна о томъ, что «идеологія младороссовъ мертва». Въ его представленіи «жива, хотя кое въ чемъ и порочна, младоросская психологія».

«Цѣнность младоросскихъ настроеній и построеній» заключается для него «не въ томъ, что они знаменуютъ полѣвнїе монархическихъ круговъ, а въ томъ, что они означаютъ ихъ внутреннее оживленіе».

«Неоспоримо вѣрно ставшее нынѣ, правда, почти общимъ мѣстомъ, но еще недавно запрещенное въ эмиграціи къ обращенію, младоросское убѣжденіе, что тема большевицкой революціи большая религіозно - національная тема, что большевики не только узурпаторы народной воли, но и ставленники народной стихіи, что дѣлать русскія событія 1917-1928 г. на демократическую революцію и большевицкую контръ-революцію и психологически и соціологически невѣрно. Правильно улавливается младороссами и то обстоятельство, что интернационалистическая революція уже перерождается въ національную, почему живымъ національно-консервативнымъ силамъ сейчасъ и не по пути съ реакціей. Эта пореволюціонность особенно цѣнна въ настроеніяхъ младороссовъ. Въ этомъ пунктѣ они психологически безусловно прогрессивнѣе нѣкоторыхъ «демократовъ».

«Убѣдительно звучитъ въ Сборникѣ младороссовъ разочарованіе въ ихъ собственныхъ идейно-промотавшихся отцахъ, боязнь лирически исслѣть въ бездѣйственной эмигрантской тоскѣ по родиѣ и многое другое, свидѣтельствующее о томъ, что младоросскость не мертвая, отвлеченная выдумка, но живой путь наиболѣе живыхъ представителей отмирающаго соціального слоя къ новой, религіозно - углубленной жизни и новому національному творчеству».

Затѣмъ проф. Степунъ опять сокрушается о томъ, что «эта психологическая свѣжесть младоросскихъ переживаній настолько загромождена въ ихъ писаніяхъ нежизненными идеологическими построеніями».

«Причину этой загроможденности» онъ видитъ «въ нетерпѣннѣ, въ неудержимой жаждѣ какъ можно скорѣе смастерить дѣеспособное, религіозно-нравственное и соціально-политическое міросозерцаніе, съ которымъ, какъ съ походнымъ алтаремъ и съ походнымъ пулеметомъ можно было бы завтра же выступить въ путь-дорогу. Только этимъ кануннымъ настроеніемъ объясняется ужь очень неладный покррой младоросскаго міросозерцанія»...

Къ идеѣ «неомонархизма» проф. Степунъ къ сожалѣнію не отнесся съ должнымъ вниманіемъ. Онъ даже не счелъ нужнымъ на ней остановиться. Для насъ «неомонархизмъ» имѣетъ исключительное значеніе. Онъ намъ представляется единственной возможностью возстановить нарушенную революціей преемственность Русской исторической жизни. Указанія на то, что «народныя массы въ Россіи не ищутъ Царя», насъ не пугаютъ, такъ какъ мы считаемъ, что нужно не механически возстановливать старую монархію, а устанавливать монархію новую, органически отвѣчающую нуждамъ и потребностямъ новой Молодой Россіи.

Проф. Степуну представляются «гораздо важнѣе всѣхъ мертвящихъ эту идеологію недодуманностей», къ которымъ онъ видимо причисляетъ и «неомонархизмъ». «тѣ болѣе глубокія внутреннія опасности, которыя имѣются у младороссовъ». Наиболѣе серьезными изъ этихъ опасностей, онъ считаетъ, «во-первыхъ, — подмѣну религіознаго чувства эросомъ національной тоски и, во-вторыхъ, — нѣкую романтическую мечтательность».

Первое обвиненіе проф. Степунъ предъявляетъ на основаніи нѣкоторыхъ выраженій, имѣющихся въ Сборникѣ, а также и того, что «слово русскій они во всѣхъ сочетаніяхъ пишутъ съ большой буквы, а православный, церковный, церковь — съ маленькой. И такъ они не только пишутъ, такъ они и чувствуютъ». Словомъ — онъ насъ обвиняетъ въ шатовскомъ подходѣ въ религіи. Это, по его мнѣнію то же «что и у евразійцевъ, только наивнѣе, душевнѣе».

Наболѣе убѣдительнымъ опроверженіемъ этого обвиненія, мнѣ кажется, является отношеніе младороссовъ къ Церкви. Думаю, что нѣтъ другой политической группировки, которая относилась бы съ такой серьезностью и бережностью къ Церкви, какъ это дѣлаютъ младороссы. Мы всегда подчеркивали, что Церковь важна для насъ сама по себѣ, какъ самодовлѣющая цѣнность, мы категорически возражаемъ противъ всякихъ попытокъ исполь-

зовать ее ради достиженія какихъ-либо земныхъ цѣлей; на этомъ основаніи мы строимъ и наше недвусмысленное отношеніе къ великому подвигу нашей Тихоновской Церкви. Все это было бы невозможнымъ если бы мы «по шатовски» подходили къ религіи.

Представляющуюся проф. Степуну опасной «романтическую мечтательность» онъ усматриваетъ въ томъ, что мы будто «беззаботно заливаемся мечтательной славянофильской трелью надъ свѣжей кровью своего монарха». Можемъ его увѣрить въ томъ, что наше отношеніе къ Царю-Мученику, который, какъ говорится въ сборникѣ, «своей кровью приобщился къ искупительной жертвѣ своего народа» и этимъ снялъ царскую идею съ идей народной, — проникнуто священнымъ благоговѣніемъ и величайшей серьезностью. Мы всей душой присоединяемся къ пожеланію проф. Степуна, чтобы «русскіе монархисты, во имя крови, пролитой послѣднимъ Царемъ, писали бы о будущей Россіи и будущемъ Царѣ съ тою степенью духовной сосредоточенности и нравственной трезвости, что въ корнѣ убиваетъ беспочвенную выдумку и мечтательный туманъ».

Въ заключеніе хочу еще отмѣтить призывъ проф. Степуна къ болѣе чуткому и внимательному отношенію къ Западному міру. Онъ совершенно правильно говоритъ, «намъ живущимъ волею судьбы сейчасъ въ Европѣ, надо понемногу освобождаться отъ туристическаго верхоглядства».

Насъ самихъ эта проблема глубоко занимаетъ и заботитъ. Мы считаемъ, что если, вернувшись въ Россію, мы не принесемъ съ собою глубокаго опытнаго знанія о тѣхъ народахъ, среди которыхъ мы теперь живемъ, то окажемся «нерадивыми рабами», зарывшими въ землю данный намъ талантъ.

Въ виду этого мы стараемся препринять все возможное для того, чтобы наладить контактъ съ иностранными кругами. Особенно интересны для насъ различныя теченія молодыхъ. Взаимное пониманіе и хорошія отношенія съ ними важны также и для нашего національнаго будущаго, смогутъ имѣть немаловажныя послѣдствія и для нашей будущей иностранной политики.

Къ тому, что въ этомъ направленіи уже препринято и что мы предполагаемъ осуществить въ ближайшемъ будущемъ, намъ придется не разъ возвращаться въ нашихъ изданіяхъ.

Кирилль Шевичъ.